

АЛЛА ДЕМИДОВА

ГАСТРОЛЬНЫЕ
ЗАМЕТКИ

Алла Сергеевна Демидова
Гастрольные заметки:
письма к Тому
Серия «Алла Демидова. Избранное»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49887898

*Гастрольные заметки : письма к Тому / Алла Демидова: АСТ; Москва;
2020*

ISBN 978-5-17-119538-0

Аннотация

Настоящую книгу составили письма к Тому Батлеру – профессору Гарвардского университета, – переписку с которым актриса Алла Демидова вела с 1990 года до 2007-го. Случайное знакомство привело к интереснейшему общению, а затем и к созданию книги.

Письма А. Демидовой вместили в себя описание поездок и гастролей, театральных постановок, а также рассказ о людях, с которыми ее сводила судьба. Среди них Сергей Юрский, Юрий Любимов, Роман Виктюк, Антуан Витез, Теодорос Терзопулос, Лариса Шепитько, Сергей Параджанов. Письма чередуются с выписками из дневников актрисы или небольшими «ремарками», где более подробно раскрываются те или иные события, а также укрупняются портреты современников.

Книга со всей правдивостью отразила различные пласты времени и культуры в России и за рубежом.

Содержание

Первое предисловие	5
Второе предисловие	9
1990 год	12
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алла Демидова

Гастрольные заметки: письма к Тому

Первое предисловие

Наверное, надо объяснить, как возникла эта книга. Я давно не разбирала свой архив – и все бумаги за долгие годы перемешались, и когда нужно что-то найти – проще было написать заново. Как-то я (в очередной раз) что-то искала и наткнулась на свое неотправленное письмо Тому Батлеру – моему другу из Бостона. Неотправленное – потому что писалось за границей и, видимо, мне лень было искать марку или я не знала, где почта. Читаю: начало 90-х годов. Гастроли «Таганки»... Мне показалось, что этот осколок времени нашей гастрольной жизни может быть интересен не только мне. И тогда я подумала: хорошо бы найти все мои письма того времени моему другу. Позвонила Тому Батлеру, спросила, сохранились ли у него мои письма. Он ответил: да, сохранились, и переслал их мне по электронной почте. Я стала искать его письма у себя: это оказалось труднее – я не такой аккуратный человек, как Том. Часть писем нашла, часть – нет, но какая-то линия переписки с начала 90-х годов

по 2005-й выстроилась. Потом мы перешли на не любимый мною Интернет, и обычные письма перестали существовать.

Том Батлер – профессор Гарвардского университета. Преподавал он древние науки – историю Византии и древние славянские языки, хотя по происхождению он ирландец. Любит поэзию, сам пишет стихи и занимается поэтическими переводами. Познакомилась я с ним случайно, как именно – выясняется из переписки. Поскольку он плохо знает русский – думает на английском, а потом мысленно переводит это на русский – его письма не до конца передают тонкость его души и ирландский парадоксальный юмор.

...Надо вам сказать, что вот такие, так называемые американские чудачки, именно они запали мне в душу. В Америке ведь такой же народ, как и везде, толпа проходит через тебя, как вода сквозь сито. Но... Так вот Том Батлер. Когда из-за возраста он перестал преподавать в Гарварде, то стал писать книги по культуре Византии, Сербии и Болгарии (потому он и знает кириллицу). Уже много лет он собирает волонтеров, которые едут в Сербию и помогают ее восстанавливать. И они делают это абсолютно бескорыстно. Эта его черта – бескорыстный отклик – для меня является исключительной, и я его сразу же выделила из «толпы».

Или, например, другой персонаж, который встречается в нашей переписке, – Роберта Ридер, с которой меня познакомил Том. Она тоже была в Гарварде профессором. Именно она повела меня в театральную библиотеку в Гарварде. Я то-

гда очень любила Сару Бернар, собирала ее фотографии и спросила, есть ли у них какие-нибудь ее снимки? Они принесли мне огромный длинный ящик, по материалам которого можно было бы писать научный труд об этой уникальной актрисе. И тогда я спросила: у вас есть что-нибудь о Театре на Таганке? – и они принесли мне бесконечные папки – там были программки наших спектаклей начала 60-х, там были стенограммы наших закрытых худсоветов! То есть там сохраняется все. Вот мы удивляемся: как это англичанин написал прекрасную книгу про Чехова или швед – про Маяковского? Да потому что и в Кембридже, и в Оксфорде, и в Гарварде собирают и сохраняют богатейшие архивы!..

У Тома семья, жена Юлия, которая совсем не говорит по-русски, но очень тепло ко мне отнеслась. У него сыновья, внук, сестра. Дом в Гарварде и на океане – словом, нормальный благополучный человек. Но состояние души у него – чеховское «перекати-поле». Чеховский недотеп. Как они это умеют сохранять?! В письмах Том упоминает о моих банковских делах. Кое-что объясню: когда я играла в Бостонском театре «Федру», то гонорар за спектакли я не могла перевести в Россию и оставила деньги в банке, на имя Тома Батлера. Время от времени он высылал мне кредитную карточку с определенным количеством денег. Что я ему, зачем ему это – только головная боль; но тем не менее он делал это много лет, и тоже совершенно бескорыстно. Словом, эта переписка – не только описание наших поездок и гастролей (кто сейчас

не ездит!), но – люди, с которыми я там встретилась, оставившие в моей жизни какой-то след.

Кстати, как многие ирландцы, Том Батлер в свое время был алкоголиком – у них там есть клуб бывших алкоголиков, и они время от времени хвастаются: я не пью уже 30 лет, а я 20!.. Потом, когда я знакомилась с другими ирландцами, выяснилось, что они знают про этот клуб и практически все там состояли или состоят. Однако всего этого нет в письмах, и поэтому мне, наверное, придется кое-что комментировать. Письма многое открывают, но возникает масса пробелов по части имен и событий. Поэтому я решила чередовать их с выписками из моих дневников или с какими-то маленькими главками, которые я называю «ремарками», – в них я объясняю ситуацию или рисую портрет человека, который недостаточно выявлен в письме, но о котором мы с Томом говорили или по телефону, или при встрече.

И, может быть, в конце этой книжки время – с начала 90-х по 2005-й – высветится для читателя чуть-чуть по-новому. Только поэтому я и решила издать эти письма.

Второе предисловие

Письмо Тома

20 февраля 2004 г.

Дорогая Алла!

Как тебе уже сказал, я чуть-чуть не уверен, что эти письма заслуживают отдельного издания [«Письма к Тому»]. Они «покрывают» 15 лет [1990–2005].

Отсутствие свободной или надежной почты диктовало, чтобы все ваши письма были посланы из-за границы (вне СССР и вне России). Не было возможности взаимного сообщения. Как, например, я боялся отвечать непосредственно на некоторые ваши замечания об условиях в СССР или по отношению к переменам в новой России.

Ты пишешь о концертах поэзии по всей Европе и даже в Колумбии и США, и даже если мы понимаем, что вам надо «зарабатывать» что-то, я в то же время осознаю твою настоящую роль как хранительницы и распространительницы культуры русской литературной речи. Ты это бы не сказала, но я это пишу и повторяю. Я где-то заметил, что ты и твои «гастролеры» обмениваете «душевные (культурные) изделия» на продукты и что, может быть, это всегда была судьба акте-

ров. «Жизнь на гастролях» – может быть, так назвать книжку, если ты все-таки решишь ее издать?

Есть и «сладкие» моменты в твоей «переписке» – воспоминание о нашем выступлении перед архитекторами... Я вспоминал нашу «репетицию» в кафе, и мое непонимание некоторых слов в театральном употреблении, и твоя нервность из-за этого: «Том, ты пропадешь... какой ты будешь переводчик» и т. д., и мой дерзкий ответ: «Я не пропаду, увидишь».

Конечно, в книжку можно включить и мои письма тебе, но, в общем-то, не знаю, что они содержат и как они относятся к твоим письмам.

Может быть, я был почти хороший, подходящий американский корреспондент для тебя: (1) неплохо понимал по-русски, даже если я не русский; (2) довольно умный, чтобы разобраться в твоём почерке; (3) знал и читал почти все русские дела, о которых ты писала, даже перевел «Ревизора» для постановки здесь; (4) я любитель Гоголя; (5) любитель русской поэзии 19-го и 20-го веков (но не на вашем уровне); (6) читатель Грибоедова («Горе от ума»); (7) Достоевского; (8) выступил в «Каменном госте», знаком с испанской, французской и до некоторой степени греческой (византийской) культурой и т. д. Есть достаточно «соотношений» между нами, чтобы поддержать нашу переписку. И, конечно, есть и моя роль как твоего американского банкира – сюжет некоторых моментов в нашей переписке.

Твой Том

1990 год

Ремарка

Можно было бы начать эти записки о заграничных гастролях с 1968 года, когда я первый раз поехала в другую страну. «Щит и меч» снимали в ГДР и в Польше. Больше всего меня тогда поразила запах воздуха – другой! Потом я поняла, что это запах другого бензина, дезодорантов, которых у нас тогда не было, другого табака и т. д. Но решила ограничить эти записки перепиской с Томом Батлером, с которым познакомилась в 1990 году на концерте, посвященном 100-летию со дня рождения Анны Ахматовой. Как это произошло? Как всегда у меня, спонтанно.

Сейчас заграничные поездки стали обыденностью, но все равно как-то на даче одну мою книжку прочел наш комендант и после удивился, что я так долго жила за границей. Я для него оставалась русской дачницей в сарафане, которая занимается только своими грядками и домашними животными.

А мой друг Виталий Вульф, который в то время сделал обо мне передачу для телевидения, в заключение нее сказал, что Алла сейчас не работает в театре, лежит на диване и пре-

дается фантазиям. И это в самый мой напряженный период работы за границей. Просто я человек закрытый, и когда меня не спрашивают, предпочитаю молчать, а то, что делается не на виду, как известно, не существует.

1990-й год. Неожиданно раздается звонок: «Это говорит Иосиф Бродский. Мы с вами не знакомы, но я хотел бы вас пригласить на вечер, посвященный 100-летию Ахматовой, который я устраиваю в Театре поэзии в Бостоне». Я спросила: «А кто еще там будет?» – «Анатолий Найман, я, вы. И с американской стороны – актеры и переводчики».

Хотя день рождения Ахматовой в июне, а юбилейным был 1989 год, Бродский устроил вечер 18 февраля 90-го. Я помню в Гарварде огромные сугробы, красные каменные дома, белок, которые никого не боялись. А по расчищенным от снега дорожкам из библиотеки – в столовую, из столовой – на лекцию бегали студенты в башмаках на босу ногу, в майках и шортах...

После концерта целую неделю можно было ничего не делать, гулять, ходить на званые ужины. Мы с Найманом подолгу гуляли, и я все время расспрашивала его про Ахматову, и по его рассказам у меня сложилось ощущение некой его «близорукости» – из-за слишком близкого расстояния (такое же ощущение, кстати, возникает, когда читаешь записки современников о Пушкине или о Достоевском).

Обедали мы в профессорском клубе. Однажды я пришла,

а там в одном из залов выпивают. Я тоже выпила и закусила, ко мне кто-то подошел. Я говорю: «Я не понимаю по-английски. Вы говорите по-французски?» – «Нет». Так пообщались. Потом пришел Найман, и выяснилось, что я присосиделась к какому-то колледжу, который справлял свой юбилей... Вот такую мы вели жизнь.

Вечер Ахматовой. Может быть, потому, что я уже раньше выступала в этом Театре поэзии и знала, что туда приходят люди заинтересованные, я не волновалась. Взяла две книжки, привезенные в подарок Бродскому, и мы пошли.

...Сорок минут до начала концерта. Мы все сидим в пустом зале и ждем Бродского, который должен распределить, кто за кем выступает. А его нет. Наконец появляется. Устроитель подводит его ко мне, мы знакомимся, я ему протягиваю две книжки и говорю: «А вот это я вам привезла из Москвы». Он, как вчерашнюю газету, не глядя, кинул их куда-то за спину. Я подумала: «Ну, уж это слишком!» Он говорит: «Последовательность такая – сначала стихи читаются по-английски, потом по-русски. Все сидим на сцене, русские – я, Алла и Толя – слева, американцы – справа. В конце первого отделения – “Реквием”». Тут я встряла: «“Реквием” – сначала по-русски!» Он отвечает: «Нет-нет, как всегда, сначала по-английски». Я говорю: «Тогда я его не буду читать». Он снисходительно пожал плечами, но спорить было некогда... и сказал: «Хорошо!» И мы сразу ринулись на сцену. Переполненный настороженный зал. Много русских. Брод-

ский читает Ахматову так же, как свои стихи, – поет, соединяет строчки. Чтение на слух монотонное, не подчеркивается ни мысль, ни метафора, ни подробность, не расставляются никакие логические акценты и не выделяется конец строфы, и только неожиданный обрыв на последнем слове, как спотыкание. Найман – по-другому, но тоже в основном поет. И мне вспоминается фраза Мандельштама: «Голосом работает поэт, голосом». Американцы читают по-разному. Одна актриса читает: «Звенела музыка в саду...» и последние строчки – «Благослови же небеса, / Ты в первый раз одна с любимым», – произносит с надрывом, почти со слезами. Дальше я по-русски читаю это же стихотворение как очень далекое воспоминание – еле слышный напев, прозрачно-акварельные краски... Зал зашевелился. Поняв, что зал хорошо реагирует на ранние ахматовские стихи в такой манере, следующая американка читает: «Сжала руки под темной вуалью...» так же прозрачно и легко, как и я в предыдущем стихе. Потом моя очередь. А я помню, что Ахматова со временем терпеть не могла это стихотворение. И тогда я, войдя в образ старой Ахматовой, надменным, скрипучим голосом, выделяя твердое петербургское «г», почти шаржируя, прочитала: «Сжа-ла ру-ки под те-мной ву-алью». Сажусь на место. Бродский мне – тем же голосом старой Ахматовой: «По-тря-са-юще...» В общем, когда я прочла «Реквием», английский вариант уже почти не слушали. Старалась я в основном для Бродского, играла перед ним Ахматову, как она

мне представляется в разные периоды ее жизни.

После вечера был прием – «Party»... Бродского обступают пожилые американки, в «золоте», с вытравленными уложенными волосами, говорят пошлости, в основном – по-русски. Бродский, судя по разным воспоминаниям, не стеснялся отшивать. А тут – нет: слушает, улыбается, курит, пьет водку и все больше бледнеет.

Я подумала: «Уйду!» Подошла к нему и говорю: «Иосиф! Я ухожу и хочу вас поблагодарить за это приглашение. Но мне жаль, что вы бросили те две книжки, – я их купила в антикварном магазине и на нашей таможене перевозила их, спрятав на животе, потому что я их привезла вам в память об Илюше Авербахе, который мне о вас рассказывал». У него посветлели глаза: «Илюша Авербах! Нет-нет, эти книжки мне нужны, я обратил на них внимание, спасибо». Я, видя, что он потеплел, признаюсь: «Все последнее лето я зачитывалась вашими стихами». Он опять закрылся, как раковина. И тогда я, немного разозлившись, говорю: «Знаете, Иосиф! Я тоже терпеть не могу, когда после спектакля говорят пошлые комплименты, но когда говорят друг другу профессионалы – это другое. Ведь сегодня, простите, мы оба были просто исполнителями». – «Да-да...» – согласился он. После этого мы с Найманом еще неделю жили в Гарварде, Бродский опять не появлялся.

Наступило лето, и кто-то привез мне книжку стихов Бродского с надписью: «Алле Демидовой от Иосифа *Demi-Dieu*

— с нежностью и признательностью. 9 июня 1990 года, Амхерст. Иосиф Бродский».

Роберта Ридер — странная, одинокая, в рваном пальто, хотя занимается Ахматовой и преподает русскую литературу в Гарварде. И Вида Джонсон, с которой меня познакомила еще в Москве Нея Зоркая. Вида — киновед, тогда писала книжку о Тарковском, пришла ко мне домой, расспрашивала об Андрее, и я ей подарила единственный мой экземпляр сценария «Белый день» — первоначальный вариант «Зеркала», где в основном было интервью с его матерью, а игровые сцены — вкраплением по ходу ее рассказа.

Из дневников 1990 года

17 февраля

Прилетаю в Нью-Йорк. Меня никто не встретил. Телефонов знакомых Нью-Йорка и Бостона не взяла с собой. Денег мало. Что делать? Стою в растерянности. Рядом стоял поляк с сыном (встречал кого-то). Я объяснила свою ситуацию. Он оставил сына встречать, взял меня за руку, и мы пошли... Он подошел к какому-то окошку, спросил телефон Театра поэзии в Бостоне. Позвонил. Там сказали, что ждут меня только завтра (такую получили телеграмму из международного отдела ВТО), они тут же выслали по факсу билет, Яцек (так звали поляка) взял этот билет и проводил меня на местный

terminal. Но Бостон не принимает самолеты из-за снега. Яцек передал меня какой-то пожилой паре из Гарварда и ушел. Я осталась с ними. Они возвращались из отпуска, были в Индии. Ждали несколько часов. Вместе ходили обедать за счет авиафирмы. В Бостоне они опять позвонили в театр, и меня наконец отвезли в прелестный гостевой дом в Гарварде. Найман был уже там. Мне дали комнату, в которой в свое время жил Солженицын.

18 февраля

В 15 ч. – назначена репетиция. Долго ждали Бродского. Пришел за 30 мин. до начала.

20 ч. – вечер Ахматовой. «Реквием» прошел хорошо. После прием.

19 февраля

15 ч. – интервью для американского TV об Ахматовой. Читала куски «Реквиема» и что-то рассказывала.

17 ч. – встретилась с Робертой Ридер. Пошли в Синема-центр. Она познакомила меня с директором Влада Петричем. Он милый. Из Югославии.

18.30 – ужин с Робертой и Влада Петричем. Рассказала ему о своей подруге Татьяне Эльмонович, которая живет в Лос-Анджелесе, и о ее книге о Тарковском. Его институт зовется: Синема-центр (CARPENTER CENTER). Он заинтересовался ее книгой, обещал помочь: она эмигрировала со-

всем недавно.

20 февраля

Гуляли с Анатолием Найманом после завтрака. Красота! Снег! Днем встретила с Томом Батлером – местный профессор. Вечером – в гости к Бабенышевым. (Закрытый Алик и славная Наташа.) Я помню, как их провожали в эмиграцию и думали, что не увидимся никогда.

22 февраля

В 12 ч. – с Видой Джонсон. К ней домой. Особняк. У нее целая комната, набитая компьютерами. Она пишет книгу о Тарковском вместе с соавтором, который живет в Канаде, – пересылают друг другу написанные листочки по компьютеру. Чудеса. С ней вместе в ее университет. Пообедали в студенческой столовой. Все очень натурально и обильно: «шведский стол».

19 ч. – в кафе с Томом Батлером.

20 ч. – выступление перед молодыми архитекторами об устройстве новых театров.

25 февраля

Поехала с Бабенышевыми в Амхерст в гости к Вике Швейцер (родная сестра Михаила Абрамовича Швейцера). Она мне подарила свою книжку о Цветаевой. Сейчас пишет о Мандельштаме. Погуляли с ней в лесу среди сугробов – очень похоже на подмосковный лес. Она мне понравилась.

Здесь, в Амхерсте, в одном из колледжей Иосиф Бродский преподает теорию стихосложения. Но сейчас он в отъезде. А я как раз подарила русские книжки 19-го века по философии стихосложения.

26 февраля

Утром в 11.50 – поезд в Нью-Йорк.

5 марта

В Москву.

Ремарка

В Москве 2-й год демонстрации на улицах. Нашла в записной книжке запись 4 февраля 1990 года: «В 12 часов дня от Парка культуры демонстрация по Садовому кольцу и улице Горького. Из окна вижу плакаты: “Фашизм не пройдет!”, “Политбюро в отставку!”. На каком-то транспаранте перечеркнутый магендовид. Шли до 3 часов. Ко мне из рядов демонстрантов зашел Боря Биргер с сыном Алешей и каким-то приятелем. Пили чай. Обсуждали ситуацию, смотрели в окно на площадь перед Моссоветом. Я вспомнила, когда в детстве мы жили на Балчуге, к нам тоже заходили знакомые после Первомайской демонстрации попить чайку после длинных переходов. Но транспаранты, конечно, несли другие. Около телеграфа митинг. С утра я видела, как мили-

ция ставила трибуны у Моссовета, но митинг прошел дальше. Боря сказал, что слышит с трибуны голос Маши Синявской (она приехала вчера из Парижа, на таможене отобрали все номера “Синтаксиса”). После 5-ти Боря и К° ушли продолжать митинговать. К вечеру народ шел обратно группами. Опять вижу транспаранты: “Межрегионалы, руки прочь от России!”. Что-то про Москву и Ельцина. Другая толпа пошла “к Ленину”. Кто-то с хриплой речью пытался задержать их. Все настроены очень агрессивно».

Когда-то я не могла смотреть американские фильмы из-за их внутренней агрессивной энергетики, о чем бы они ни снимались. Теперь к этому отношусь спокойнее, но американские фильмы по-прежнему не очень люблю.

Письмо

20 июня 1990 г.

Том, здравствуйте! Спасибо за письмо и заботу. Очень обрадована Вашей душевной щедростью. У нас в России люди в основном закрытые. И Ваша бескорыстная помощь мне, понимаю, что и не только мне, удивляет.

Я сейчас в Италии. Во Флоренции. Приехали сюда играть «Федру». Гостиница в густом парке. Играем рядом. Когда возвращаюсь поздно после спектакля в гостиницу через парк, – немного страшно. Темно. И миллиарды светлячков. Говорят, это души умерших. Мальчики, с которыми я играю,

сразу же отделились от меня, завели знакомства с belle итальянками и живут своей жизнью.

Переводчица Габриэлла дала мне свою машину, и я поехала в Пизу. Поднялась, конечно, на башню. Красота. Спускаться опасно. Вспомнила, как я поднималась на Вавилонскую башню в Ираке. Лестница без перил. Очень крутая, и когда поднимаешься вверх – смотришь только вперед, т. е. наверх, – а там серое небо. Наверху небольшая круглая площадка, правда, огороженная. Серое небо, серая пустыня и вдалеке золотые и голубые башни мечетей и минаретов. А когда спускаешься по крутым ступенькам, смотришь, чтобы не упасть, только под ноги, т. е. вниз. И вот земля ближе, ближе и наконец видишь уже маленькие камешки на ней и когда вступаешь на землю, ощущаешь ее тяжесть. Удивительно!

Спектакль наш начинается около 10-ти вечера, поэтому днем гуляю по Флоренции. Здесь есть что посмотреть! Галерея Уффици, Питти, Тициан – «La bella»¹. Бродила, бродила и набрела на виллу и огромный парк Демидовых, моих дальних родственников. Все закрыто, даже парк на запоре. Написано: «Villa Demidoff. Parco Mediceo di Pratolino. Il Giardino delle Meraviglie»².

И еще забавный случай. После спектакля подошла ко мне одна русская с мужем итальянцем. Она мне говорит, что ее муж утверждает, что мы с ней похожи. Я отвечаю, мол, по-

¹ Красота (итал.).

² Вилла Демидовых. Парк Медичи Пратолино. Сад Чудес (итал.).

тому что русские обе. Пригласили они меня к себе домой. У них вилла за городом. Очень красивая. После ужина стали смотреть их семейный альбом, и вдруг я вижу мою бабушку, а мне Лиза (так зовут эту женщину) говорит, что рядом ее прабабушка. Похожи. Потом мы все-таки выяснили родство Демидовых и Олсуфьевых. Дальнее, конечно, но забавно, что я уже не первый раз нахожу своих родственников за границей. Дома раньше об этом ничего не говорилось.

Гуляя по городу, встретила профессора психиатрии москвича Виктора Шкловского с женой. Пригласила их на «Федру». Они тут туристами. Русские уже стали встречаться не группами, как раньше, а в свободном плавании. Свобода!

Обнимаю, Том.

Алла Демидова

Письмо

27 июня 1990 г.

Здравствуйте, дорогой Том! Вы меня еще помните? А я Вам пишу из Италии. Я последние 15 лет каждый год езжу к подругам в разные страны погостить. Сейчас я приехала в Венецию к Мариолине. После гастролей «Федры» во Флоренции. Это персонаж! Вам бы понравилась. Красавица. В конце 60-х она приехала в Россию и сразу попала в хорошую компанию – Бродский, Мераб Мамардашвили, Игорь Вино-

градов, ну и т. д. Выучила русский язык. Я с ней познакомилась где-то в середине 70-х, и каждый год, когда она приезжала, я охотно ее сопровождала всюду, благо я за рулем, и подпитывалась от нее энергией. Сейчас она замужем за ультрабогатым человеком, поэтому принимает меня по высшему разряду. В Милане я жила в лучшем отеле в номере с видом на их знаменитый собор. Но она, как талантливый человек, чужая в компаниях родственников ее мужа. Я тут наблюдала это расслоение в доме ее мужа в небольшом городке, где его текстильные фабрики. Он, кстати, граф. Дом его в поместье немного напоминает 2-этажные американские особняки. На меня, ее подругу, «русскую актрису», косятся как на ее очередную причуду. Попробовала я тут свежие белые грибы – привезли с альпийских гор – оказалось, очень вкусно. Вообще, ничего не делать иногда полезно. В «La Scala» слушали «Турандот». В Милане пошли на вечер Ирины Ратушинской (русская поэтесса, осталась жить на Западе), выступала она на плохом английском, который переводили на итальянский. Почему не по-русски? Так уж быстро откреститься от родного языка, по-моему, грех. Переехали в Рим, где на ужине в ресторане я оказалась рядом с Марчелло Мастоияни. Говорили с ним на французском. Он так же плохо его знает, как и я. Но хвастался, что его дочь знает несколько языков. А у нас, мол, полочка в голове, на которой держатся иностранные слова, занята текстами пьес и сценариев. Потом поехали к нему домой. Милая жена Анна-Мария – вполне интелли-

гентный вид. Квартира небольшая, правда 2-этажная. Много книг. Наверху в белой, очень простой гостиной несколько белых кресел и диванов и на стене старая фреска. Он мне понравился. Вполне славянская душа. Но моя Мариолина и здесь не вписывалась. Она слишком играла светскую даму. Ему это, я чувствовала, неприятно. А может быть, из-за ее мужа Мардзотто, которому титул графа дал Муссолини. Кто их разберет.

Я в Риме осталась одна. Походила, погуляла. Пошла пешком к Ватикану и, не доходя площади, вдруг справа увидела афишу симфонического концерта, где дирижером Владимир Спиваков. Я Вам, по-моему, рассказывала, что мы с ним и с его оркестром «Виртуозы Москвы» сделали «Реквием» Ахматовой. Были с этими концертами и в Германии, и в Париже, и в Израиле. Я обрадовалась. Зашла привычно в театр со служебного входа и тихонько села в пустом зале. На сцене огромный оркестр, хор и маленькая фигурка Спивакова. Он мне обрадовался. Пошли вместе обедать.

А когда я полетела в Венецию, обратно к Мариолине, прилетела ночью. Она была в другом городе, оставила мне ключи, и я ночью по всему городу не могла найти ее улицу. Бродила, бродила и вдруг наткнулась. Это рядом с площадью Святого Марка.

Том, пишу письмо в кафе, жду Мариолину. Поедем сейчас с ней на выставку в Vicenza на виллу, где настоящие фрески Тьеполо.

Вот уже вижу ее. Красавица венецианка. Очень отличается от толпы.

Пишите мне. Привет Юлии.

Ваша Алла

Ремарка

Мариолина в конце 60-х годов поступила на филологический факультет Московского университета, выучила русский язык и стала преподавать русскую литературу и историю в Болонском университете. Она первая написала книгу о гибели Романовых, которую издали и на итальянском, и на русском.

У Мариолины два сына. Один – врач, он Россией раньше интересовался, а потом наступило разочарование. Второй – архитектор, очень утонченный, красивый мальчик Даниеле. Ему было непонятно, почему мама так влюблена в Россию. И вот однажды он приехал в Москву. Я показала ему русский модерн, который спрятан в основном в московских дворах. Например, на Кировской улице или недалеко от меня, во дворе дома № 6 по Тверской. Он был восхищен и сказал, что впервые видит архитектурный модерн в таком количестве в одном городе. Втроем – Мариолина, он и я – мы поехали на дачу. Ночью, посередине поля, у меня сломалась машина – закипела вода в радиаторе. Мы вышли. Низкое летнее небо.

Пахнет мокрой травой, потому что недалеко канал. Но где эта вода? И я вспомнила, что в багажнике машины есть пиво, открыла бутылку и стала вливать в бачок с водой. Даниеле сказал, что это не пришло бы в голову ни одному итальянцу. Так мы и доехали.

В одной комнате спала Мариолина, в другой – я, он – на лоджии. Утром я проснулась, он сидит и смотрит... Луг, канал, водохранилище – дали неоглядные. По каналу шел 4-палубный красавец пароход, где-то на другом берегу среди леса мелькала электричка, а через все небо самолет оставил белый след. Абсолютный ландшафт Тарковского. Когда мы пошли в лес, он все поражался, как много в России сохранилось невозделанной ничейной земли.

Вечером я пошла их провожать на электричку, побежала за билетами. Подошла электричка – воскресная, набитая. Двери открылись, моя пуделиха Машка ринулась внутрь, я крикнула: «Машка!» не своим голосом, и она проскользнула обратно ко мне в щель, намного уже, чем она. Мы стоим с ней на платформе, и я вижу, как среди дачников с тяпками стоит итальянская графиня Мариолина и ее красавец-сын с глазами, полными ужаса. Я только крикнула им вслед: «Не говорите!» В то время в электричке нельзя было говорить не по-русски, ведь Икша недалеко от Дубны – тогда закрытого города для иностранцев.

Письмо

11 июля 1990 г.

Том! Как странно идет наша переписка. Вы – мой дневник. Когда я уезжаю, я оказываюсь в каком-то вакууме. Мне хочется поделиться увиденным, но не будешь же это рассказывать там живущим. В Москву писать бесполезно – письма не дойдут. Поэтому я Вам и надоедаю со своими письмами. Я пробовала Вам звонить, но вовремя спохватывалась, что когда у нас день – у вас ночь, и наоборот.

Сейчас, например, я в Швейцарии. Первый раз я приехала сюда в начале 70-х, когда снимали фильм «Ты и я». Вы его, конечно, не могли видеть. Тогда я была в гостях у Жоржа Сименона, написала про него статью, опубликовала и получила за нее какой-то журналистский приз.

А сейчас меня пригласил Жорж Нива – известный слаvist, Вы, наверное, про него где-нибудь читали в связи с делом Пастернака и «Доктором Живаго». Он профессор Женевского университета. Устроил мне поэтический концерт. Живу я в доме преподавателя Женевского университета Лики Брон. Она русская, но где-то в начале 60-х вышла замуж за швейцарца. Они меня опекают и всячески развлекают. Ездим на машине вдоль Женевского озера. Чистота кругом стерильная и масса цветов. Как-то поехали к их знакомому в маленький городок Невшатель, а потом к нему в загород-

ный дом. По дороге – вишни со спелыми ягодами, малина. И можно останавливаться и лакомиться сколько хочешь. Еще ездили в Кран-Монтана и остались на несколько дней в пустой квартире их родственницы. Рядом с Монтана – маленький городок Мартиньи. В горах. Очень уютный. Пили кофе в hotel, где останавливались Гёте, Mme de Stael и др. А через несколько дней приехал сюда мой друг Боря Биргер с семьей из Германии. После его эмиграции я его не видела. Он очень хороший художник. У меня дома осталась прелестная его картина «Дверь». Он мастер света.

Я, как кукушка, живу в чужих семьях. По моему характеру одинокого волка – трудновато. Но вокруг так красиво, ухожено, что стоит потерпеть. Мне бы жить в скиту, да где его теперь найдешь?

Не забывайте меня, Том. Кланяйтесь Вашей милой, доброй жене.

Алла Демидова

Ремарка

У меня ассоциативная память, и я, перечитывая свои письма, кое-что вспоминаю и надеюсь, что это будет интересно и читателю.

В 1974 году я снималась у Ларисы Шепитько в фильме «Ты и я», и там была сцена, где я присутствовала на между-

народном хоккее. В тот год этот матч был в Женеве, но как туда попасть? И мы купили туристические путевки для болельщиков на эти соревнования. Поехали Лариса, оператор, я и неизменный сопровождающий. В самолете я сидела рядом с Игорем Ильинским, который был страстным болельщиком. Он тогда рассказывал про Толстого. Он должен был играть Толстого и все думал: каким был Толстой? На портретах – мощный старец. Но кто-то, кто был у Толстого в Ясной Поляне, рассказал ему: «Мы приехали, нам сказали: “Ждите. Сейчас выйдет Толстой”». Вдруг из-за угла вышел маленький сухой старичок, потирая руки...» И Ильинский показал, как он вышел.

...Мы приехали в Швейцарию вчетвером – Шепитько, я, оператор и гример, который нам был не нужен, но он, видимо, исполнял роль «искусствоведа в штатском». Нас поселили в роскошную (как мне тогда показалось) частную гостиницу «Montana» с цветами в холле, с мягкими креслами, с дубовыми скрипучими лестницами – в общем, старый женеvский дом. Нам с Шепитько, как туристам, дали комнату на двоих. Мы входим: старинная мебель, кровать одна, но очень большая. Я говорю: «Ну, Ларис, мы на ней как-нибудь разойдемся...» Туалета не было, но зато было биде, которое мы видели впервые. Мы посмеялись, но душ, туалет были рядом в коридоре.

Когда мы приехали, нам выдали какие-то деньги, но сколько – мы не понимали, потому что впервые попали в на-

стоящую «заграницу». Я предложила: «Лариса, пошли погуляем, чего-нибудь съедим, ведь есть хочется». Она говорит: «Я устала». И вот я пошла одна...

Я уже говорила, что могу не заблудиться в самом дремучем лесу, а в городе у меня топографический идиотизм – начинаю плутать вокруг одного и того же места. Поэтому решила идти все время направо и не переходить улицу, чтобы потом возвращаться все время налево. И вот я вижу окно первого кафе: там сидят только мужчины, играют в карты, происходит какая-то незнакомая жизнь – и понимаю, что мне туда нельзя. Иду дальше – вижу роскошный ресторан. Туда тоже нельзя – не хватит денег. Наконец вижу сквозь стекло двух сидящих женщин. Остальные места – пустые. Обстановка напоминает бывшее ленинградское кафе «Норд»: низкие круглые столы, вокруг – лавочки. Я вхожу, плюхаюсь на первое же место и понимаю, что отгорожена от остального пространства полузеркальными стенами. Ко мне подходит официант, что он говорит – не понимаю, так как французский тогда знала совсем плохо. Смотрю меню и по цифрам понимаю, что денег хватает. Осмелев, я ткнула пальцем в начало, середину и конец, надеясь, что принесут закуску, основное блюдо и десерт. «Потом, – думаю, – разберусь».

...Официант приносит мне много-много пиалочек с едой, но не приносит приборов. Я не могу вспомнить, как по-французски «вилка» и «нож». Попыталась показать, но я застенчива и жестами скорее что-то скрываю, чем объясняю.

Официант как-то странно пожал плечами и ушел, а я подумала: «Наверное, это экзотический филиппинский ресторан, где едят руками». Все эти небольшие кусочки можно было есть руками – правда, не очень солено, но у меня атрофия к соли. Я все съела и решила, что сюда можно будет ходить с Ларисой. И когда я, уже предвкушая, как сейчас пойду налево-налево-налево и расскажу все Ларисе, расплатилась и спокойно осмотрелась, то увидела: недалеко от меня сидят две женщины и пьют через соломинку коктейль, а на низких столиках стоят эти мисочки-пиалочки и из них едят собачки. Вышла на улицу: на вывеске была нарисована собачка. Я ужинала в собачьем ресторане, вернее в кафе, где можно накормить и собак.

Мы с Ларисой долго хохотали над этой историей. Потом жизнь наладилась, начались съемки. А через какое-то время я побывала у Сименона, он жил над Женевским озером. Все это казалось мне тогда запредельно интересным.

И вот прошло много лет. Я опять оказалась в Швейцарии и сказала своим друзьям: «Мне хочется вспомнить тот собачий ресторан и гостиницу. Как бы их найти?» Мы побродили и наконец нашли ту гостиницу. Она привокзальная. Вокруг стоят проститутки – в красных лаковых юбках, с рыжими патлами – как шарж. А я их тогда принимала за хорошо одетых экзотических женщин! И гостиница наша была для одноразового пользования. Но ее, наверное, было выгодно снимать для туристов вроде нас.

Когда мы летели в Швейцарию, вся съемочная аппаратура и пленка были в наших чемоданах. И мы боялись, что, когда будут просвечивать чемоданы, пленку засветят (мы еще не знали, что так засветить нельзя).

В Женеве мы снимали контрабандой, потому что за любую съемку запросили бы огромные деньги. Ну, например, оператор контрабандой ставил камеру, а я должна была перебежать с одной стороны улицы на другую перед идущими машинами, чтобы возникло ощущение тревоги и стало ясно, что я куда-то спешу. Машины идут, Лариса мне машет рукой, я ставлю ногу на мостовую – все машины останавливаются и меня пропускают.

Хорошо. Второй дубль. Опять то же – машины останавливаются и пропускают пешехода – меня.

Мы так этот проход и не сняли, пройти перед идущими машинами оказалось невозможно. Сейчас, кстати, в Женеве мало кто бы пропустил, а тогда останавливались все.

Во время международного хоккейного матча нужно было снимать и меня, и хоккей. И меня – с разрешения нашей сборной – посадили за лавкой, где сидят запасные игроки. Я первый раз была на хоккейном матче и не очень понимала, что происходит. Обратила внимание на какую-то дебилность игроков, которых все время теребил тренер: «Поддерживайте! Поддерживайте!» А они только друг другу говорили: «Ну, давай, давай!» Что «давай»? Куда «давай»?! Правда, я заметила одного игрока, он был немножко горбатый,

как Квазимодо, который вроде бы не очень и двигался, замирал, как паук, потом что-то быстро делал – и шайба была в воротах. Когда он приходил на скамью запасных, тренер к нему не приставал, и он – единственный – не говорил это слово «давай!». Молча садился, молча отдыхал, а потом опять мчался и забивал шайбу. И он мне так понравился! Я спросила: «Кто это?» – «Харламов». Кто такой Харламов? Потом мне объяснили, что это первый игрок. Меня поразила его полная концентрация на игре, несуетность и абсолютное внимание к данному моменту. И Лариса – совершенно такая же, вся зашоренная, под колпаком своего дела. Для нее не существует мир, другие люди – у нее все идет в одно.

Кстати, этот международный матч передавали в Москве по телевизору. И мои домашние видели, как я там сижу и смотрю хоккей.

Швейцария. Женевское озеро. Дворец наций. Шильонский замок с автографом лорда Байрона на каменной колонне (оказывается, великие тоже любили расписываться на стенах), сумбур впечатлений... И вдруг... это решилось в пять минут – я еду к Сименону!

Скажу честно: Сименон меня не приглашал. Я увязалась в эту поездку вместе с четырьмя журналистами. Сименон ждет журналистов – при чем здесь я?..

Решила, что я тоже буду корреспондентом. Я буду спрашивать Сименона про кино.

Дом Сименона в 65-ти километрах от Женевы, недалеко от Лозанны, в старинном маленьком городке Эпаленж.

Едем по новой, только что открытой скоростной дороге. Сияет солнце, внизу блестит озеро. На другом берегу озера – горы. Но там уже Франция.

Мы подъезжаем. Слева – высокая каменная не то стена, не то скала. Более осведомленные журналисты объясняют мне – скала искусственная. Дом Сименона наверху. Наверное, потому, что от скоростной дороги шумно.

Так было тогда. А уже в 1998 году – я ехала по той же дороге в санаторий в Монтрё. Жила на берегу озера и наслаждалась красотой, тишиной и одиночеством...

Как и тогда, гуляю по берегу Женевского озера и учу роль (так, кстати, актерская память держит ассоциативно многочисленные тексты пьес и стихов) для предстоящей работы у Анатолия Васильева в «Дон-Жуане». Мне не давалось одно пушкинское стихотворение – «Плещут волны Флегетона...», и тогда я стала его перекладывать на картинки, которые видела перед собой: волны Флегетона – это, конечно, волны Женевского озера; «вдоль пустынного залива...» – и я иду, загибая угол перед Шильонским замком, и учу эту строчку и т. д. Потом, когда играла, каждый раз мысленно шла вдоль Женевского озера.

Я хожу по темным катакомбам замка, где на сей раз не нашла автограф Байрона, но зато прочитала у Гоголя в переписке с Жуковским, как он «нацарапал свое имя русскими

буквами в Шильонском подземелье, не посмел подписать его под двумя славными именами творца и переводчика “Шильонского узника” (Байрона и Жуковского)». И далее читаю у него: «Внизу последней колонны, которая в тени, когда-нибудь русский путешественник разберет мое птичье имя, если не сядет на него англичанин...» Имя Гоголя я тоже, к сожалению, не нашла, но русских отметин тут много... Да и вообще русские всегда стремились к Женевскому озеру.

Недалеко от моего санатория – гостиница, где последние годы жил Набоков. Но осенью народу мало, и я хожу, не стесняясь вслух учить роль, на берег, а у себя в комнате бренчу на кастаньетах, которые мне тоже нужны для роли. Обучила даже швейцарскую медсестру, которая по утрам мне приносила лекарство.

Ну так Жорж Сименон...

Въезжаем в ворота. На столбиках – по букве «S». Как будто герб, как будто фабричная марка.

Вымощенный двор. Несколько построек, среди которых – небольшая белая двухэтажная вилла. Горничная проводит нас в холл. Окна во всю стену, за окнами – гладко выбритая лужайка... Я уже чувствую себя корреспондентом. Достāju блокнот, лихорадочно записываю все, что потом ускользает из памяти: большая синяя рыба на белой стене... Картины – абстрактная живопись. Телевизор, белые полки с книгами, ковер на полу, камин. Не хватает только Сименона.

И вот он выходит из боковой двери, не заставляя ждать нас ни минуты, – человек семидесяти лет, среднего роста, бодрый, сухощавый, с трубкой в зубах. Желтая рубашка, желтые носки, черная бабочка.

Увидев женщину, он извиняется, хочет надеть пиджак, но – жарко, и Сименон, не особенно настаивая, остается в рубашке. Знакомимся.

Задавать вопросы особенно не приходится.

Наверное, журналисты здесь частые гости и он изучил круг обязательных вопросов.

– Да, пишу быстро. Хочу, чтобы мои романы читали за один вечер. Семь дней пишу, четыре – правлю рукопись. Почему так быстро? Это привычка. Я захожу в образы. Все во мне зудит (так он и сказал), требует немедленного выплеска. Если бы писал дольше – образы выветривались бы, испарялись. Пишу быстро, чтобы концентрировать себя на одном. («Может быть, затянутые ритмы русского театра – от долгих расхолаживающих застольных репетиций?» – при этом думала я.) Надо делать все быстрее. И включаться в ритм сегодняшнего дня.

Я вспомнила: в Репине, в Доме творчества кинематографистов, жил когда-то высокий худой старик в очках с толстыми стеклами – старейший режиссер Александр Викторович Ивановский. Он любил стоять в коридоре в длинном своем халате и, едва заведя кого-нибудь из молодежи, тотчас несказанно оживлялся: «А ну-ка идите-ка сюда, молодой че-

ловек... Скажите, что главное в кинематографе?» И сам себе отвечал уверенно: «Ритм! Ритм!» – и объяснял, как он это понимает. Тогда мы слушали больше из вежливости, но сейчас, у Сименона, я еще раз убеждаюсь, как прав был высокий, худой старик в Репине...

Хочется задержаться на этой теме, поговорить подольше – но... беседа уже ушла вперед, и за своими мыслями я и так что-то пропустила: кажется, Сименон говорил о проблемах современного романа.

– Да, – продолжает он, – по переводам занимаю второе место. После Ленина. Потом идет Шекспир...

– Что вы скажете об Агате Кристи?

Отвечает быстро:

– Не знаю, не читал. Наверное, она идет после Шекспира. (Знал бы Сименон о миллионных тиражах Марининой, Дашковой, Поляковой, Незнанского и других современных детективщиков!.. Сименона я уже давно не читаю, да и нынешние детективы тоже приелись.)

Впечатление такое, что идет хорошо отрепетированный монолог. Сименон говорит: «Да, во время работы пью холодный чай с сахарином, чтобы не толстеть», – но глаза его существуют словно сами по себе, они подолгу останавливаются на каждом из нас, словно изучают, запоминают.

И, будто угадав мои мысли, Сименон объясняет:

– Никуда не хожу, не езжу. Но люблю принимать гостей.

Да, да, потом каждого из его гостей можно найти в его романах – он преобразует их в персонажей...

Не кажется ли ему, что это узковатый круг впечатлений для писателя?

– Нет, не кажется. Сколько людей – столько характеров. Для меня главное – обнаженный характер. Остальное читатель домыслит сам. Читатель стал образован и эрудирован. Ему не нужны эпитеты. Если действие происходит на набережной в Киеве (он так и сказал – именно в Киеве), – не нужно ее описывать. Это уже сделали радио, телевидение, кино, туристические путеводители. Нужно только будить фантазию. Так делали Чехов, Достоевский, Хемингуэй...

С этим я – «корреспондент» – не могу согласиться. В прозе должны оставаться и прилагательные, и глаголы. Это драматург пусть орудует только глаголом, оставляя прилагательные на выбор актера (незачем, например, описывать, какой Гамлет. Это сыграет актер). Но здесь говорит Сименон, и единственное, что я могу сделать, – это изменить русло разговора, произнеся наконец слово «кино».

В ответ – такая же уверенная реакция:

– Так и в кино. Слишком много логичных фильмов: завязка, кульминация, развязка. Все последовательно и скучно. Нужно больше алогизма. Эта новая манера имеет большое будущее – и в кино, и в литературе, и в театре.

– Не видно ли в этом опасности увлечения формальными приемами?

– Да, есть некоторая опасность символизма, но это уже не страшно. Искусство болело символизмом лет 20, потом это прошло. Будущее за реализмом. Но это не исключает поиска, не так ли?... Так, вы спрашивали про кино? Люблю Феллини. Это здоровый малый с медленными жестами, говорит спокойно, а внутри – самый беспокойный человек на свете. Как Достоевский. Из этого беспокойства состоят и все его фильмы. И это нельзя передать в старых традициях. Он пробивается, как боксер, – напролом...

Сименон ходит по комнате. Кажется, увлекся разговором, во всяком случае, выходит за рамки обязательного:

– Все в наш век развивается бурно, очень бурно, это отражается на искусстве. За последние сто лет человечество пережило по крайней мере два ренессанса... Бурное развитие печати, фото, кино, воздухоплавания, электроники, жесточайшие войны – все это подхлестнуло и искусство. Сейчас назревает какой-то новый взрыв... Какой?.. Если бы я знал – сам бы ринулся впереди всех.

Время идет, а впереди еще предусмотренная экскурсия по дому.

Откладываю блокнот, и мы отправляемся в путь.

В этом кабинете Сименон только пишет.

Красный пол, красные сафьяновые папки на полках. Любимые книги – в основном по медицине. Ведь Сименон учился на врача, и девять десятых его друзей – врачи... Все

прибрано и аккуратно. Ничего лишнего. Трубки; на маленьком столике – пишущая машинка.

– Инструмент пыток, – говорит Сименон и показывает твердый мозоль на указательном пальце.

На стене фотография, единственная в доме. Человек со спокойным взглядом, усы, трубка.

– Мегрэ? – невольно спрашиваю я.

– Нет, – Сименон качает головой. – Это мой отец. Он умер, когда мне было 16 лет, и я вынужден был бросить медицину.

– И занялись?..

– Вначале – чем придется, потом – начал писать.

Специальная комната в доме Сименона отведена его книгам, изданным во всех концах земли. Здесь его переводы – по одному экземпляру. Отдельная полка – издания на русском языке, их явно меньше, чем издано в Советском Союзе. Спрашиваю – почему?

Сименон пожимает плечами:

– Я не коллекционирую специально. Здесь только то, что мне присылают. Я получаю много писем и посылок из России, но в основном – это подарки. Русские любят дарить...

Он рассказывает, что был в Советском Союзе дважды. Первый раз – в 1933 году, побывал в Одессе и в Батуми. Второй раз – в 70-х годах. Круиз по Черному морю и опять Батуми, Одесса, Ялта, Новороссийск.

Через маленький коридорчик идем в другой кабинет. Здесь происходят деловые встречи, здесь Сименон диктует секретарше ответы на письма, здесь он принимает гостей.

У него много друзей среди актеров. Почти все французские, английские актеры побывали здесь, в этом кабинете. Его старший сын женат на французской актрисе Милен Демонжо. Незадолго до нас у Сименона побывали Симона Синьоре и Жан Габен...

– Кстати, вы ведь спрашивали о кино. Я всегда его очень любил. Особенно раньше – в двадцатые годы, когда кино было молодым и задиристым. Мы были друзьями с Рене Клером, Ренуаром. Знал и Эйзенштейна. Тогда все мы были такими же молодыми и задиристыми. Боролись за новые направления. В парижских кафе доходило до драк... – Сименон улыбается. – Вызывали жандармерию...

Несколько раз был в жюри международных кинофестивалей. Например, в 1959 году, в Каннах.

Но Сименон – домосед, испытывает страх перед толпой. Внизу, в подвале дома, у него маленький кинозал. Ему привозят новые фильмы и старые – и он смотрит их в полном одиночестве.

Или еще – телевизор. Недавно видел фильм «Кот» с Синьоре и Габеном, поставленный по его роману. Это редкий случай. Из пятидесяти пяти экранизаций своих романов Сименон видел только три...

И смотреть не любит. На экране – совсем другое, чем бы-

ло в голове (сценарий пишет не он). Обидно и досадно. Такое впечатление, словно родная дочь вернулась домой после пластической операции.

Хотя нет, видел фотографию советского актера Тенина в роли Мегрэ для телевизионного спектакля. Очень, очень похож! Пожалуй, больше всех. Передайте это ему, если встретите.

Два часа мы были в этом доме. Мы ходили по комнатам, по которым до нас прошли сотни других корреспондентов.

Седой, приветливый гид водил нас по дому, где сотни раз рождался заново Мегрэ; водил, рассказывая о себе, как биограф.

В этом рассказе одинаково важным было все: и то, что думает месье Сименон о современной молодежи, и то, как месье Сименон плавает по часу в день в собственном роскошном бассейне.

Когда мы прощались, Сименон выглядел простым, радужным и довольным. Может быть, оттого, что его обязанности гида кончились и теперь он мог снова засесть за свой «инструмент пыток» и писать новую повесть о похождениях Мегрэ.

И когда мы вновь проехали мимо ворот с буквой «S» на столбиках, я представила себе новую главу его очередного романа, где будем все мы: и я, и журналист из «Огонька», и корреспондент «Комсомольской правды», и наш фотограф,

и Жан Габен, бывший у Сименона до нас...

Теперь, когда я бываю в Швейцарии, мы с друзьями иногда проезжаем мимо дома Сименона. На воротах по-прежнему сверкают буквы «S», но вилла пустует, как пустует и вилла его друга Чарли Чаплина в десяти километрах отсюда. Деревья вокруг домов выросли, и вилла Чаплина еле-еле видна сквозь чугунную ограду и разросшийся парк. Но зато внизу, у озера в Лозанне, стоит на земле, среди клумб, в рост человека бронзовый Чарли с тросточкой и в котелке, и с ним можно сфотографироваться...

А наложение одного времени на другое я давно полюбила. И для меня Сименон до сих пор живет на своей вилле, наверху – над Женевским озером...

Из дневников 1990 года

8 июля

С Ликой и Арманом, у которых я живу в Женеве, едем на несколько дней в горы.

Кран-Монтана. Встречаем машину Бори Биргера. Сидим в кафе на маленькой площади, где круглая клумба. Сидим на улице, чтобы не пропустить машину, хотя жарковато. Ждали около часа. Наконец я увидела совершенно на другой улице, не на той, по которой должен приехать Боря, белую машину «Фольксваген». Увидела за стеклом машины напряженное

худое лицо Бори, рядом растерянную Наташу и сзади детей. Обрадовались. Расцеловались. Сидим вместе, пьем кофе, дети – какао. Как Боря проехал по этому серпантину горных дорог – загадка. Недаром был разведчиком во время войны. Потом поехали разгружаться. Обедаем дома. Мой грибной суп пригодился. Ели все, кроме Бори и младшей Машки. Она и по привычкам и по витальности на него похожа. Женя – немного квашня, с задатками старой девы, хоть и рыжая. Арман приготовил жареные маслята – очень вкусно. Он их жарит очень быстро и с перцем. Итальянские пельмени для Бори и Машки – как наши, только мельче и круче. Красное вино. Сыры. Пошли гулять. Маленький фуникулер. Дети от меня не отходят, особенно Машка. Быстрый и некрасивый спуск. Опять кафе. Дома чай с пирогом из малины и черники. Погуляли по городу. Они остались в нашей квартире на недельку, а мы поехали обратно в Женеву. Боря сказал, что в Бонне у них 3-комнатная квартира, сняли на год. Дети с 1 августа пойдут в немецкую школу. Мне за них тревожно. Я подумала, что в 20-е годы вот так же уезжали на год, а потом не видели Россию никогда. Машка не хотела есть пряник, который ей подарили в Берне (с медведем), так как хотела его сохранить до Москвы, Боря ей мягко намекнул, что Москва будет не скоро, и мы пряник съели. Оказался очень вкусный – мед, орехи и еще что-то.

Обратная дорога, как всегда, оказалась скучнее. Слева в углу долины Роны остался прелестный Мартиньи, и мы по-

вернули направо на Женеву.

9 июля

Спала плохо, как всегда после ванны. Некоторых она успокаивает, а у меня обратные парадоксальные реакции. Например, когда бессонница – я пью крепкий чай и засыпаю. Читала Михаила Осоргина – хорошо, особенно про белую коробочку среди массы ненужных вещей. Как, например, в столе у моего мужа помимо всякой дребедени лежит окаменевший кусочек сахара. Что-то он ему напоминает, наверное. В 12 ч. – поезд во Fribourg. Отвез Арман. Я купила билет retour за 50 fr. Еду, смотрю в окно. Опять Женевское озеро и по сторонам маленькие города. Поля. Все очень ухожено. У меня 2-й класс. Через нас, не останавливаясь, проехала тележка с напитками, кофе и шоколадом, в 1-й класс. Проехали Лозанну. Лозаннский вокзал оказался не такой, как я его представляла по Сименону (роман об убийстве в Лозанне и поезде) – более обыденным. Поезд поднимается вверх, и вдруг открылось сверху все озеро и побережье с Лозанной. Маленький темный туннель и опять озеро. Внизу виноградники. На той стороне озера – Франция, горы Юра. Впереди видны Альпы, где мы были еще вчера. Озеро синее, как на открытках. Длинный туннель, и мы повернули от озера вглубь страны. Деревья, как в Подмосковье. Поля, иногда селения. Красивая черепица крыш на фоне зелени. Quelle beauté!³ Фрибур. Встретила Жибек. К ней домой. Дом

³ Какая красота! (фр.)

огромный. Обставлен со вкусом. Мне – гостевая комната на 2-м этаже. Розы. Обед на двоих на веранде – изысканный. Я погуляла по старому городу. Кафе на улице «образцовых супругов». Вечером приехал с работы Джузеппе – муж. На ночь читаю Кестлера «Сияющая тьма» (кажется, правильно – «Слепящая тьма»).

10 июля

Я встала поздно. Все уже были на ногах. Джузеппе подрезал розы в саду. Приехали на воскресенье дети – сын Марко и дочь. Они учатся: он – в Италии, она – во Франции. Нереальная для нас жизнь. Поздно вечером еду обратно в Женеву.

11 июля

Лика и Арман уехали в Монтана к Боре Биргеру. Боря хочет сделать портрет Армана. Днем встретила с Тихоном – сын русского священника первой эмиграции. Тихон сейчас преуспевающий юрист. Он доброжелателен и медлителен. Обедали с ним на воздухе недалеко от русской церкви. Показал мне квартиру Софи Лорен. Погуляли по старому городу. В 6 ч. пошли домой к Симону Маркишу. Эстер – мать, элегантная, говорливая, живая, приехала недавно из Израиля, где живет. Пили вместе чай. Симон тихо раздражается на мать. Поехали вместе к Жоржу Нива через границу. Его дом во Франции. Я боялась контроля, у меня не было фран-

цузской визы, но на пункте даже не посмотрели на нашу машину со швейцарскими номерами. Большой дом. Скучный ужин. Раздражительный Симон. Рассказал, что ездил в Париж и был на концерте Юрского, своего друга, и на «Виртуозах Москвы». Сати (жена Спивакова) читала вместо меня «Реквием». Обидно. Больше никогда не буду с «Виртуозами».

12 июля

Целый день с Ликой по магазинам. Устали. Вечером втроем в кино – последний фильм Куросавы «Сны». После фильма по моей просьбе искали улицу возле вокзала, где мы жили с Ларисой Шепитько 20 лет назад. Тогда мне все – и гостиница Hotel Montana, и улица – казалось верхом респектабельности. Оказалось, что это улица проституток. Одна стояла в длинных красивых лаковых сапогах и в мини, другая, с белыми волосами, старая, в красном платье – очень некрасивая. Рядом эта же гостиница и кафе. Как все перевернулось в сознании.

13 июля

С Ликой в музей. Рисунки, гравюры Пиранези. Petit Palais – хорошая атмосфера. Якулов и много псевдоимпрессионистов – рядом с бюро Тихона и квартирой Софи Лорен. Погуляли вдоль озера. Лебеди. Я стояла под струей фонтана (150 м). Купила для Москвы сыра, кто-то меня просил ку-

пить корицы и т. д. Вечером дома. Заходил Жорж Нива, принес письма для Москвы. Потом все в кино на фильм Феллини «Голос луны» – очень хороший. Главный герой – правильный, солнечный клоун, а кругом все сумасшедшие.

В самой Женеве есть город Каруж. Город в городе. Немного кукольный. Построен королем Сардинии в противовес Женеве. А потом Женева окружила его. Там есть «Театр де Каруж», который был в январе в Москве. Зашли в театр, Лика меня познакомила с главным режиссером. Поговорили о будущей совместной работе. Ужинали дома. Арман пожарил грибы – розовые мухоморы с черносливом в водке – вкусно. Эти мухоморы мы с Неей Зоркой собираем на Икше. Мы их называем *reglpilz*. Однажды собрали их маленькими. А когда они маленькие, их легко перепутать с обычными мухоморами. И мы перепутали. Ночью я не спала, пила молоко, писала прощальные письма, Инна Генс со своим прибалтийско-немецким воспитанием тоже почувствовала дискомфорт, проснулась, два пальца в рот – и спала дальше. Нея тоже среди ночи что-то почувствовала, сказала про себя: «Ох уж эти комплексы Аллы Сергеевны», – перевернулась на другой бок и спала дальше. Разные характеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.